

Людмила КОРАБЕЛЬНИКОВА, доктор искусствоведения:

В биографии Чайковского много сознательных умолчаний

Известия 2003 — 12 марта с. 14
Не так давно, в рамках подготовки исполнения «Руслана и Людмилы» в Большом театре, были найдены залежи рукописей Глинки, которые никого не интересовали более сотни лет. Как выясняется, в не менее запущенном состоянии и остальные русские классики, у большинства из которых нет даже полного собрания сочинений. Положение пытаются исправить в Государственном институте искусствознания, где в последнее десятилетие начали заниматься академическими изданиями Мусоргского и Чайковского (уже вышло по два тома того и другого). Чайковскому, помимо 76-томного собрания, полагается еще указатель всех его сочинений (на музыкальном жаргоне это называется «кехель») и личная трехтомная энциклопедия. С главным редактором энциклопедии «Все о Чайковском» Людмилой КОРАБЕЛЬНИКОВОЙ встретила обозреватель «Известий» Екатерина БИРЮКОВА.

— Зачем нам новое собрание сочинений Чайковского?

— В отношении русской музыкальной классики существует некая иллюзия изученности. Ну, кто не знает музыку Глинки, Мусоргского или Чайковского! Однако все это неточные тексты. В так называемом полном собрании сочинений Чайковского, которое выходило в 40–60-е годы, мы нашли несколько сот ошибок и искажений. Некоторые связаны с идеологическими моментами. Например, сняты посвящения высочайшим особам. Или в увертюре «1812 год» тема «Боже, царя храни» заменена хором Глинки «Слався».

— Кроме идеологии, есть еще причины подобной неряшливости?

— Насколько я знаю, во всех странах, кроме нас, Китая и Кореи, музыковеды воспитываются не в консерваториях, а в университетах. Там они становятся музыкальными филологами, критиками текста. А у нас нет таких кадров, нет такой традиции. В результате у нас нет, например, полного собрания сочинений Бородина, Даргомыжского (это как если бы не было полного собрания Тургенева). А то, что есть, никогда не делалось в рамках научного учреждения (вроде Института мировой литературы или Пушкинского Дома в Петербурге), где бы была единая текстологическая концепция. Впервые мы так работаем сейчас, в Институте искусствознания. Причем работе над собранием Чайковского предшествовало создание каталога

КОНСТАНТИН ПОСТНИКОВ

его сочинений, можно сказать, первого русского «кехеля». Полторы сотни лет назад Людвиг Кехель создал первый именной каталог, он был посвящен Моцарту. После него возникли десятки таких указателей, практически для всех наиболее значительных западных композиторов. У нас это — первый.

— Чем он важен?

— Впервые создан корпус всех произведений Чайковского, в том числе — незавершенных, неосуществленных замыслов. К каждому дается история создания, описываются все документы — от первого наброска до окончательного текста. Прочесаны все архивы не только нашей страны, но и зарубежные. Указатель

доведен до стадии оригинал-макета, на него получен грант, надеюсь, скоро его издадут.

— Что с энциклопедией?

— Она почти закончена. Ее писали несколько десятков авторов из разных стран. Каждому произведению — не только музыкальному, но и литературному (ведь Чайковский был замечательным музыкальным критиком) посвящена отдельная статья. Написано про все лица, с которыми Чайковский имел профессиональные или бытовые отношения, про каждое место его пребывания. Есть даже статья «Атлантический океан», поскольку, плывя по нему, он писал наброски к Шестой симфонии. Энциклопедия должна быть интересна не только специалистам, но и широкому кругу читателей.

— Широкий круг читателей всегда интересовался не только музыкой Чайковского, но и его жизнью и смертью...

— Да, в биографии Чайковского всегда было много сознательных умолчаний. Но мы исходим из концепции, что его жизнь и творчество неразрывно связаны. В Лермонтовской энциклопедии — в сущности, единственной нашей предшественнице — есть, например, статья «Автобиографизм». А у нас есть «Личность Чайковского», «Письма Чайковского», «Дневники Чайковского», «По-

следние дни жизни и смерть Чайковского». Над причинами его смерти висит большой вопросительный знак. Мы не имеем ни предсмертной записки, ни эксгумации. Но есть веские аргументы в пользу гибели от кишечного заболевания...

— А не от мышьяка...

— Версия о том, что был некий «суд чести», который приказал Чайковскому убраться из этого мира, что дело в его гомосексуальной ориентации и что был замешан кто-то из императорской семьи, — это все только разговоры. Но все точки зрения в энциклопедии изложены.

— Когда может появиться энциклопедия?

— Не раньше чем через два года.

— Это, как и собрания сочинений, тоже будет совместная работа с немецким издательством «Шотт»?

— Нет, и энциклопедия, и указатель будут изданы в России — в научно-издательской музыкальной коллегии, которую учредили Институт искусствознания и Дом-музей Чайковского в Клину.

— Тома из собрания сочинений Мусоргского и Чайковского, что уже вышли в «Шотте», — отличные, но они стоят порядка 1000 евро, в России их практически никому покупать. Подобную работу не в состоянии

выполнить отечественное нотное издательство?

— Нет. «Шотт» имеет громадный опыт в публикации выверенных, аутентичных уртекстов, научно отредактированных по единой методологии. У нас есть только отдельные ученые соответствующего уровня — например, Евгений Левашов, занимающийся Глинкой и Мусоргским, Полина Вайдман, которая последние 20 лет является хранителем архива Чайковского в Клину. Да, эти тома частный человек в нашей стране приобрести не в состоянии. И я думаю, мы должны просить Министрство культуры о льготах для библиотек.

— Сколько уходит лет на подготовку всего Чайковского?

— Мы первоначально планировали выпускать по два тома в год. Это немало для такого рода издания. Но так не получается.

— Но даже если бы и получилась, то занять это должно лет сорок!

— А вы посмотрите, сколько лет шло очередное собрание Моцарта или Вагнера! Это ничего. Лишь бы дело двигалось. Русскую классику за нас все равно никто не делает. Западные авторы при всей их высочайшей квалификации отрезаны от наших источников километрами и языковым барьером.